

Владимир Шарик

Здравствуй, земля целинная

книга третья

12+

Владимир Шарик

**Здравствуй, земля
целинная. Книга третья**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шарик В. М.

Здравствуй, земля целинная. Книга третья / В. М. Шарик —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

В середине марта 1954 года юноша Петр Власенко с Украины едет по комсомольской путевке на целину. Нельзя сказать, что он поступил так исключительно из идейных соображений - там обещали хорошо платить за работу, к тому же на руки сейчас выдавали полторы тысячи рублей. Таких денег парень отроду не видал, и он купил себе первый в жизни костюм, а брату ботинки за 96 рублей. В конце марта 1954 года он приехал на целину, где начал на тракторе ДТ- 54 распахивать огромные просторы Казахстана. Там у него произошла встреча с земляком Леонидом Ильичом Брежневым, с которым пойдет по жизни дальше, встретит он там тоже свою любовь Наташу. Главный герой романа со временем переезжает в Москву, где и происходит дальнейшее развитие сюжета. По долгу службы ему приходится бывать за границей (Берлин, Париж, Польша).

" Здравствуй, дорогая моя супруга Наташа и сынок Саша!

Привет вам шлет ваш муж и папа с далекой Москвы. Извините меня, что я вам долго не писал. Были на то объективные обстоятельства. Конечно, вы читали в газетах о событиях, которые произошли в конце июня в нашей стране, в результате которых окончательно сошли с правительственной сцены ярые "сталинисты": Молотов, Каганович и Маленков. Мне пришлось в этом непосредственно участвовать, даже немного при этом пострадал, но обо всех подробностях я тебе расскажу Наташа при нашей встрече, которая должна произойти в скором времени и которую я очень жду.

А теперь я тебе, Наташа, скажу самое главное – мне выделяют квартиру в Москве, правда пока это только комната в коммунальной квартире, но все равно у нас будет свой угол в столице, а со временем мне обещают дать квартиру в новом строящемся микрорайоне на Черемушках. Так что готовься к скорому переезду в Москву. Учебу тебе можно будет продолжить здесь в медицинском институте, мне обещают в этом помочь. И тогда наша семья объединится, и мы будем жить вместе, как когда-то мы мечтали в казахстанской степи. Для меня это были самые счастливые времена в моей жизни, не знаю, как показались они тебе, но я хочу, чтобы дальше наша жизнь была такой же замечательной, как и тогда.

Я тоже перешел на другую работу, но в письме не могу сказать тебе чем я занимаюсь, но при встрече я все тебе расскажу. Моя новая работа открывает для меня хорошие перспективы и для тебя они будут неплохими. У тебя будет возможность посещать самые интересные культурные мероприятия в театрах и в кинотеатрах, в дворцах культуры и в парках культуры, где часто происходят встречи со знаменитыми актерами и поэтами. Тебе это будет интересно, при желании ты можешь пойти в Большой театр, куда свободно билетов не достать. На днях я с помощью своих друзей по общежитию перееду в коммунальную квартиру. Они хорошие ребята, даже жаль с ними расставаться, но мне повезло, а они были даже удивлены, почему это мне так быстро дали квартиру, ведь им я тоже не сказал, почему это случилось.

Извини, что письмо у меня получилось несколько сумбурное, но это от нахлынувших на меня чувств.

До скорого свиданья. Поцелуй от меня нашего сынишку и передавай большой привет своей маме от меня.

15 июля 1957 года."

" Здравствуй, дорогой мой муж.

Мы с Сашей были очень рады получить твое письмо. Понимаешь он уже очень много понимает, хотя не все может сказать четко. Вот я ему показывала твое письмо, а он тянул к нему свои маленькие ручки и говорил; "Па-па, па-па". И еще очень внимательно слушал, когда я ему читала твое письмо. Мы очень рады, что у тебя все хорошо, что получил продвижение по службе, а вот за квартиру я не совсем поняла. Вернее, мне не верится, что ты получил комнату в коммунальной квартире. Мама тоже была очень удивлена, как ты смог за такое короткое время получить квартиру в столице, поэтому хотелось бы, чтобы ты поподробнее рассказал об этом.

Конечно, мне очень хочется попасть в Москву, ведь там такая богатая культурная жизнь, там происходит так много важных и интересных событий. Попасть в Большой театр было для меня настоящей мечтой, посмотреть на Уланову на сцене этого театра для меня казалось несбыточной мечтой. Балета вообще в нашем городе нет, и я чувствовала свою ущербность в этом деле, а ты говоришь об этом так просто, что я даже сомневаюсь в твоих словах. Да, мне хочется в Москву, но, когда я подумала о переезде в совершенно чужой мне город, где нет у меня никаких знакомых, родственников. Я не могу представить, как я могу устроиться там со своим маленьким сыном, ведь это очевидно, что в коммунальной квартире у нас не будет тех удобств, как в нашей квартире в Днепрпетровске. У меня одна знакомая живет в коммунальной квартире по улице Коцюбинского. У них там общая кухня, туалет на улице, а ванной комнаты вообще нет и они вынуждены ходить в городскую баню по субботам, а в остальные дни умы-

ваются в тазике. Если мы еще можем переносить такие неудобства, то для нашего сына такие условия будут неприемлемы. К тому же здесь мне помогает много мама в уходе за Сашей, а на кого я могу положиться там, ведь ты будешь все время на работе. Значит, об институте придется мне забыть, а мне хотелось бы, даже я должна закончить институт, чтобы иметь профессию. Я думаю, когда приедешь к нам в отпуск, то тогда мы с тобой обговорим эту тему подробно.

До свиданья."

Привет передает тебе мама, она тоже очень довольна, что у тебя все хорошо."

" Здравствуй, дорогая моя супруга и сынок Саша!

Во-первых, строках своего письма хочу поблагодарить тебя Наташа за твой ответ. хотя мне не совсем понятны твои сомнения насчет переезда в Москву, если на самом деле тебе хочется переселиться в нашу замечательную столицу. Уверяю, что твои сомнения напрасны и мы вместе сможем преодолеть все трудности, которые встанут на нашем пути к счастливой семейной жизни. Я сделаю все необходимое, чтобы хорошо устроить нашу жизнь в незнакомом для тебя городе. Поверь мне, что у меня есть для этого все возможности.

Вот только, к большому моему огорчению, я не смогу приехать к вам в гости. Мой отпуск отменяется, так как у нас сейчас очень много работы по подготовке Всемирного Фестиваля Молодежи, который должен произойти в Москве 28 июля – 11 августа этого года. По предварительным подсчетам в нашу столицу приедет более тридцати тысяч человек с более сто стран мира. Таких мероприятий никогда не проводилось в нашей стране. поэтому подготовка идет на высочайшем уровне.

Конечно, для тебя и меня это неприятная новость, что я не смогу приехать к вам, но зато ты сможешь приехать ко мне на время фестиваля. Как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе. Короче, ты приедешь ко мне в Москву, чтобы посмотреть на этот всемирный праздник. Здесь готовятся такие мероприятия хорошие: концерты знаменитых артистов, демонстрация новых фильмов и встречи с героями этих фильмов, кроме того будут выступать артисты со всего мира. Так что приезжай, посмотреть. Я тебя встречу и проведу тебя в нашу квартиру, чтобы ты смогла оценить те условия, в которых нам придется жить. Поверь, временные трудности, с которыми мы столкнемся в первое время стоят того, чтобы оказаться в Москве. Конечно, нашего сына пока нельзя брать с собой, для него дорога будет тяжелой. Так ты договорись со своей мамой, чтобы она взяла на несколько дней отпуск и поухаживала бы за своим внуком. Я напишу своей маме, и она приедет к ней на помощь.

Решайся на эту поездку, ибо фестивали в нашей стране бывают не часто. И делай это побыстрее. Можно даже приехать не вначале фестиваля, ибо он будет продолжаться две недели. С нетерпением жду твоего ответа и уже готовлю цветы, чтобы встретить тебя на Курском вокзале.

До свидания! "

Марья Васильевна задержалась на работе, так как привезли тяжело больного мужчину, возвращаясь домой она зашла в гастроном, чтобы купить внуку молока и манки для внука, а для себя и Наташи купила докторской колбасы и грамм триста голландского сыра. Солнце уже садилось за горизонт, оставляя на западе кровавое зарево. Жара июльская уже немного спала, и жители города прогуливались по центральному проспекту, жадно вдыхая свежий воздух.

Наташа встретила маму у дверей, взяла у неё сумку.

– Что-то ты сегодня задержалась сегодня на работе?

– Возле тяжелобольного больного пришлось посидеть, пока смена пришла, как там Саша?

– Читает в спальне письмо от папы.

– Умный он у тебя он будет. Весь в маму.

– Папа у него тоже не глупый, – заметила Наташа.

– Что он там пишет. Скоро в гости приедет?
– К сожалению, он в ближайшее время не сможет приехать.
– Почему?
– Работы у него сейчас очень много в связи Международным фестивалем молодежи и студентов, который будет происходить в Москве в конце июля.
– А он какое отношение имеет к этому фестивалю? – удивилась мама.
– Не знаю, какое отношение он к этому имеет, потому что в письме он не рассказывает чем занимается, но пишет, что работу он поменял и доволен нынешней работой.

– Ну, и хорошо, что он продвигается по службе, значит, сможет обеспечивать семью.
– Да, хорошо, – Наташа сказала это как-то неопределенно.
– Ты что-то не договариваешь?
– Мама, понимаешь, он меня приглашает приехать в Москву к нему.
– Как же ты сможешь к нему поехать, Саше ведь трудно будет перенести дорогу. Рано его еще по поездам таскать, пусть немного окрепнет. Придумал тоже твой муж такое дело.
– Мама, понимаешь он меня приглашает приехать в Москву, чтобы я посмотрела на фестиваль, который начнется двадцать восьмого июля. Ведь там будет так много людей с разных стран, будут разные интересные встречи, концерты, спортивные соревнования. У нас в институте так много было желающих поехать, но выбрали всего одну девушку, дочку одного профессора.

– Но что же делать с Сашей?
– Может ты возьмешь отпуск за свой счет на несколько дней и побудешь с Сашей, – глаза Наташи смотрели так умоляюще на свою маму, что сердце её растаяло. Ведь жизнь у её дочери выпала очень тяжелая: война, разруха, безотцовщина – а тут ей выпадает у неё такой случай почувствовать праздник жизни.

– Что ж я попробую договорится с Ольгой Ивановной, она мне должна несколько смен, когда болела у неё дочка. Конечно, это надо будет согласовать с главным врачом, но думаю, что он не будет возражать, если мы договоримся.

– Спасибо, моя мамочка, – Наташа бросилась целовать свою маму, – к тому же из села может приехать Петрова мама, чтобы помочь тебе.

– Если надо будет, то я ей позвоню.

– Хорошо, мама, я завтра поеду на вокзал, чтобы купить билет на поезд.

На вокзале Наташу провожала только Лена, мама с Сашей остались дома, чтобы малыш не расстроился в тот момент, когда мама будет садиться в поезд.

– Так где работает сейчас твой муж? – поинтересовалась подруга.

– Я ж тебе говорила, что не знаю. Петя сказал, что это большая государственная тайна, о которой он расскажет при личной встрече.

– Да, я же говорила тебя, что у Петра хорошие перспективы и он очень много добьется в своей жизни. Ведь это надо быть таким шустрым, что и работу в Москве нашел, и квартиру уже получил. Правда, пока что в коммуналке, но ведь должны дать в скором времени квартиру.

– Да. Петя писал, что обещают на Черемушках дать квартиру.

– А вот мой муж никак не добьется перевода в столицу, а за квартиру и говорить нечего.

Объявили посадку в поезд, и толпа нарядно одетых людей пошла к стоящему экспрессу. Возле вагона образовалась очередь к проводнику, который проверял билеты у пассажиров, после чего подсказывал номер купе и места в вагоне.

– Что тебе привезти? – поинтересовалась Наташа у подруги.

– Что себе будешь брать, то и мне возьмешь.

– Ты знаешь, я отстала немного от моды в связи с рождением ребенка, так что подскажи мне, что купить.

– Конечно, купи мне фестивальный платок – это сейчас такая классная вещь. Еще можешь купить мне духи "Может быть", а также губную помаду польскую "Ванда".

– Цвета какого?

– Яркую красную желательнее, а можно еще и темноватую для разнообразия.

– Посмотрю.

Подошла очередь Наташи, она протянула свой билет человеку в аккуратной железнодорожной форме мышинного цвета.

– Ваше место 15 в четвертом купе, сказал он.

– Спасибо, – ответила Наташа и прошла в вагон. Из своего купе она на прощание помачала Лене и перрон поплыл перед её глазами.

Наташа не ездила в поездах с того самого момента, когда в составе студенческого отряда ехала в Казахстан. Её охватило необычайное волнение от предвкушения перемен, которые должны произойти в её жизни. Ей очень хотелось встретиться с мужем, увидеть Москву, увидеть комнату, которую получил Петр, но, конечно, её привлекал молодежный фестиваль, который обещал ей много интересных встреч и знакомств.

В Москву поезд прибыл в полдень, светило яркое солнце, с трепетом ступила Наташа на московскую землю. Она влилась в поток пассажиров и пошла к выходу в город, держа в правой руке небольшой чемодан, а на левом плече у неё висела небольшая дамская сумочка. Только она вышла с Курского вокзала, как навстречу ей шагал радостный муж Петр с большим букетом цветов.

– С приездом тебя, – Петя нежно обнял супругу и поцеловал в щеку и вручил букет цветов.

– Спасибо, – у Наташи от волнения перехватило дыхание.

– Как доехала?

– Хорошо. В купе со мной ехала супружеская пара с мальчиком шести лет, которая вела себя очень спокойно.

– Пошли к машине. Сейчас мы поедем с тобой домой, и ты останешься там, а мне надо будет снова поехать на работу. Я едва отпросился у своего начальника, чтобы встретить тебя. Очень у нас сейчас много работы в связи с открытием Фестиваля.

Они подошли к легковой машине, которая стояла на асфальтированной площадке. Петр открыл заднюю дверь, и Наташа легко скользнула в кабину.

– Здравствуй, – поздоровалась она приветливо с шофером, который сидел на переднем сидении за баранкой. Это был пожилой мужчина, с открытым добродушным лицом и голубизной в глазах.

– Здравствуй, – ответил мужчина.

– Едем на улицу Горького, – распорядился Петр, усаживаясь рядом с водителем.

Машина тронулась, и Наташа с огромным интересом рассматривала пробегающие мимо дома, транспортные средства, магазины с яркими вывесками. Не забывала окинуть взглядом людей, которые шли по тротуару, оценивая их наряды, прически. Находила, что люди здесь одеваются немного не так как у них в городе, люди держали себя более расковано, в одежде у них была некая изобретательность, что подчеркивало индивидуальность человека. Особенно, изобретательны были в этом женщины: платье в горошек, платье в ярких цветочках, однотонные строгие платья с поясом, подчеркивающим тонкую талию. какие они здесь красавицы, думала она. На фоне их многообразия, нарядное ситцевое платье, которое было надето на Наташу выглядело бледно.

– Так, вы подождите меня, я сейчас проведу супругу в комнату, и мы поедем с вами на объект, – сказал Петр, когда машина остановилась возле высокого кирпичного дома.

Они вошли во двор многоэтажного дома, по лестнице поднялись на площадку третьего этажа и повернули налево, Петр открыл деревянные скрипучие двери, и они вошли в коммунальную квартиру, освещенную тусклым светом маломощной электрической лампочки. Наташа увидела длинный коридор, в котором висела постиранная одежда, простыни, белье. На полу вдоль стены стоял: велосипед, детская коляска, облезлый стул и маленькая скамейка, игрушечная машинка – во общем, картина известная по коммуналке в которой жила подруга Наташи в Днепропетровске. Возле одной из дверей Петр остановился, вставил ключ в замочную скважину и открыл двери.

– Вот наша комната, – с гордостью сказал муж, пропуская её вперед. Наташа осмотрелась. Комната была небольшой, справа стояла железная кровать, покрытая солдатским синим одеялом, слева стояли стол и два стула, рядом стоял небольшой шкаф для одежды.

– Ну, как тебе наше жильё? – Петя с интересом смотрел на супругу, пытаясь понять впечатление, которое произвела на Наташу их комната.

– Нормально, – ответила она, ибо на лучшее она и не рассчитывала получить в столицу. Ленка вон и за такую ей квартиру завидует.

– Располагайся здесь, отдыхай, а я приеду после работы, и мы поедем с тобой в Лужники, чтобы посмотреть на открытие Фестиваля. Можешь нагреть себе на кухне чай, извини, но я больше не могу задержаться.

– Я понимаю, – ответила она, он поцеловал супругу и убежал на улицу. Наташа прежде всего решила немного навести порядок в холостяцком убежище мужа, она даже прихватила с собой разные занавески, салфетки вышитые полотенца.

После работы Петр заехал домой, чтобы переодеться в свой праздничный костюм, и они вместе с Наташей поехали трамваем на Лужники, где должна была происходить церемония открытия Международного фестиваля молодежи и студентов.

Дорогой, пока они ехали на стадион, Наташа с любопытством и восторгом рассматривала украшенный к празднику город. Огромные цветные транспаранты на домах, цветные лозунги поперек улиц, яркие плакаты "За мир и дружбу", гирлянды из разноцветных флажков, вымпела на опорах электропередачи со смеющимися черными, желтыми, белыми рожицами, воздушные шары – все это создавало праздничное настроение. А еще ромашки, везде огромные ромашки – эмблема фестиваля – с разноцветными лепестками, символизирующие все континенты Земли. Эти ромашки в виде значков были на лацканах мужских костюмов и женских блузках. А еще "Голубь Мира" – плакат Пабло Пикассо, созданный гениальным художником специально для фестиваля, смотрел со всех витрин магазинов, проезжающих мимо людей в трамваях, автомобилях и автобусах.

Стадион "Лужники", построенный специально для открытия фестиваля, был заполнен до отказа, вход туда был только по специальном пропуске, её муж был обладателем такого билета, и их безо всяких проблем пропустили на стадион. Там Петя познакомил Наташу со своими товарищами Федором и Семеном, с которыми раньше жил в общежитии. Они пришли на стадион со своими девушками, они были очень приятными и как-то странно произносили слова с буквой "о".

Открытие было грандиозное, великолепное, выступали артисты: цирка, разных театров, эстрады – самодеятельные коллективы, иностранные группы и танцевальные ансамбли. Перед началом концерта по беговой дорожке стадиона прошли делегаты Фестиваля, более тридцати тысяч человек из ста тридцати стран участвовали в этом действии.

Наташа смотрела на юношей и девушек, белых, черных, желтых, которые проходили мимо зрителей и у неё поднималась волна восторга от такого единения всех людей всего мира. После такого действия, думала она, во всем мире должен наступить настоящий мир. Лозунг "Миру – мир" станет реальностью, больше никогда не будет проливаться кровь невинных жертв, не будет бесконечного потока беженцев, рева бомбардировщиков в небе. Она была

маленькой девочкой, когда под бомбежками пришлось им эвакуироваться в глубокий тыл, но навсегда она запомнила эти ужасы войны и не хотелось, чтобы они повторились. Мимо проходили; англичане, немцы, французы, американцы и другие – и все они кричали на разных языках: "Миру-мир, нет войны". Если молодежь мира не хочет войны, то кто не будет прислушиваться к их голосу, чтобы оставаться у власти.

Действие на стадионе были грандиозные, но окончание было великолепное, когда над стадионом было выпущено тысячи белых голубей. Стадион замер от восторгов, когда птицы взмыли вверх, символы мира закрыли все небо, и весь стадион разразился бурными аплодисментами. А в эфире звучала песня:

" Если бы парни всей земли
Вместе собраться однажды могли...
Парни, парни, это в наших силах
Землю от пожара убережь
Мы за мир, за дружбу,
За сердечность встреч...

После окончания праздничного действия на стадионе, Наташа с мужем шли домой своим ходом, взявшись за руки. Навстречу им тоже шло много людей: парами, целыми компаниями, с некоторыми компаниями шел человек с гармонией или аккордеоном, который играл известные любимые мелодии, а остальные дружно подпевали. Незнакомые люди приветствовали друг друга, желали счастья и удачи, некоторые в порыве искренних чувств обнимались, приглашали пристать в их компанию. Наташа никогда не доводилось видеть стольких искренне счастливых людей вместе, которые объединены одним большим желанием – подарить миру настоящий мир. Они искренне верили в то, что так и будет, и им по силам остановить насилие на всей планете.

– Тебе понравилось представление? – спросил Петр свою супругу.

– Очень понравилось. Спасибо, что ты пригласил меня в Москву. Я так счастлива, я столько увидела, сделала столько открытий, познакомилась со столькими людьми. Конечно, я скучаю за нашим сынком, переживаю, как там мама с ним справляется.

– Я думаю, что Марья Васильевна успешно справится с Сашей. Ведь ты и раньше часто оставляла маму одну со внуком, когда уходила на занятия, на экзамены.

– Спустя некоторое время, я каждый вечер возвращалась домой, а сейчас уже двое суток я не вижу с Сашу. Я так соскучилась за ним. Поистине, правду говорят, что настоящее чувство можешь узнать только на расстоянии, при разлуке.

– Не могу не согласиться с тобой, потому что в разлуке с тобой, я еще больше люблю тебя. А ты меня любишь?

– Ты замечательный муж и отец, – несколько уклончиво ответила Наташа, конечно, такой ответ не совсем удовлетворил Петра, но он привык к этому, ибо считал, что такова расплата за его грех, который совершил когда-то.

– Наташа, к сожалению, я завтра не смогу с тобой быть на празднике.

– Почему? – огорчение супруги было искренне, что было некоторой компенсацией за прежние её молчание в ответ на вопрос о любви. В нем была надежда, что когда-то Наташа, если не простит его, то по крайней мере забудет о том насилии, которое свершилось в казахстанской степи.

– Мне надо завтра на службу, наша задача состоит в том, чтобы никто не испортил этот праздник.

– Как же называется твоя служба?

– Это секрет и лучше не спрашивай меня об этом. Так вот, я не смогу быть с тобой, но за тобой зайдут мои друзья, с которыми ты познакомилась на стадионе. С ними и пойдешь знакомиться с Москвой. Они хорошие ребята и девушки у них симпатичные. Правда, ведь.

– Да. Мне, особенно, понравилась Нина. Она такая приятная, добродушная.

– Прежде всего пойдите в парк Горького там должен выступать оркестр "Дружба" и молодая певица Эдита Пьеха.

Еще несколько дней Наташа гостила в Москве, хотя Петр был очень занят и только на ночь приходил домой. Вместе с его друзьями она ходила по различным площадкам, на которых выступали приехавшие со всех континентов самодеятельных артистов. Впервые Наташа увидела очаровательные танцы индийских и арабских девушек, услышала песни американских ковбоев и чилийских арендаторов, еще выступление цирковых артистов, особенно, ей понравился один смешной клоун Олег Попов со своими оригинальными номерами, а также понравилась укротительница тигров, которая командовала своими зверями, словно, кошками.

На встрече с артистами в летней площадке на Таганке она была на встрече с хорошо знакомыми по фильмам артистами: Борисом Андреевым, Харитоновым, Кадочниковым и Макаровой. Её новые подружки поводили её по магазинах Москвы, чтобы она смогла купить то, что заказали ей знакомые и близкие люди. Одно только расстраивало Наташу – Петр приходил поздно, уставший и какой-то расстроенный.

На её вопросы он ничего не отвечал, а однажды даже оборвал её речь грубостью.

– Отстань, со своими вопросами.

Она не могла понять, что же случилось, почему муж вдруг так переменялся, ведь сначала у них было так хорошо. Неужели она что-то не так сделала или дала повод в чем-то подозревать себя. Но она ведь ни с кем не общалась, кроме его друзей, они вместе проводили свое время, и ни Федору, ни Семену она глазки не строила, тем более, что всегда рядом были их девушки, которых она очень уважала, даже, можно сказать, полюбила, как родных. Правда, она сейчас корила себя за то, что ответила как-то неопределенно, на его вопрос: "Любит ли она его?". С такими сомнениями она лежала рядом с мужем, который тотчас же заснул, только торкнувшись головой подушки. Утром, правда, он извинился за свою невольную грубость – издержки работы, заметил он и пошел из комнаты даже не позавтракав.

Работа у него была действительно нервная и необычная. Как только опускалась ночь над Москвой, он с оперативной группой рыскал по укромным уголкам парков, домов, площадей в поисках любвеобильных пар, которые предавались под открытым небом интимным утехам. В стране не должно было быть этого позорного явления, как любовь за деньги или еще за некоторыми материальными благами. Конечно, иностранца не задерживали, а вот с девушкой, которую заставляли за таким позорным занятием шельмовали – ей механической машинкой или просто ножницами вырезали полосу волос на голове, после чего такая девушка могла появляться на людях только в платочке. Девушки просили не делать этого, некоторые с полным серьезом говорили, мол, как я могу отказать представителю угнетенной нации, ведь от этого может возникнуть международный конфликт, но мучители были неумолимы. Петру неприятна была такая миссия, отвращение, которые вызывали такие девицы "легкого поведения" распространялось на всех женщин, в том числе и на свою супругу. И он не мог ничего с этим поделать, потому и было некоторое охлаждение к Наташе, а сказать ей о причине такого отношения он не мог.

Но расставались они очень хорошо, им было очень грустно, за это короткое время они так притерлись друг к другу, что жизнь порознь казалась им уже очень скучной.

Лена пришла в гости к Наташе в тот же вечер, когда она приехала с Москвы.

– Ну, что там делает столица? – обратилась она с порога к Наташе.

– Да, проходи на кухню, потом я тебе все расскажу. Там мама моя с Сашей кушают. Я за ними так соскучилась.

– У меня времени немного, там мой муж ждет.

– Так пригласила бы его тоже в гости.

– Он захотел свежим воздухом подышать, а то все время в институте находится. Пускай дышит чаще и глубже.

– Вот и пускай подышит свежим воздухом, пока мы поговорим.

Не скоро разошлись подруги, ибо впечатлений от поездки у Наташи было много, а Лене все было интересно: на каких мероприятиях была подруга, с кем встречалась, что интересного видела там, как встречались с иностранцами. Конечно, её не могло заинтересовать какие наряды носили девушки других стран, какой косметикой они пользовались, какие прически сейчас у них в моде? Наташа подробно рассказывала об своих впечатлениях, находила, что девушки из-за границы одеваются очень нарядно, модно и разнообразно, поэтому выглядят они очень привлекательно.

– Особенно мне нравились итальянки, у них были все такие красивые прически, и они такие непосредственные, как дети. Мы с ними познакомились на ВДНХа, где был концерт артистов Большого театра. Они так просились к нам в гости прийти. Хотели посмотреть, как мы живем, но я не стала вести в нашу коммуналку.

– Почему? – удивилась Лена.

– Не хотелось, чтобы они были разочарованы тем, как мы живем.

– Тебе не понравилась твоя квартира в Москве?

– Не скажу, что я в восторге от неё, но я понимаю, что с жилой площадью в столице сейчас очень тяжело. Но для нас это пока что вариант. Причем, Петя говорит, что мы будем жить там недолго. Сейчас в Москве возводятся новые микрорайоны, в которых мы должны получить квартиру.

– Так, ты будешь перебираться в столицу?

– Пока что мы договорились с ним, что еще на год я останусь в Днепропетровске, пускай Саша подрастет, да и я еще один курс буду учиться в нашем институте, а на следующий год переведусь в Москву Петя говорит, что с этим проблем не будет.

– Какой он у тебя молодец. Я всегда говорила, что он далеко пойдет, и тебе ужасно повезло с мужем. Такой молодой и уже орденносец, к тому же у него есть хороший покровитель.

– Да, он много работает.

– Я пойду, а то меня профессор ждет.

– Да, я тебе купила все что ты заказывала.

– Спасибо, тебе, подруга.

Наташа пошла в комнату и вынесла Лене духи польские "Может быть", несколько тюбиков помады и кремы для рук и лица.

Петр был уязвлен тем, что Наташа еще на год хочет отодвинуть свой переезд в Москву. Он уже надеялся, что семья его наконец-то объединится, они не будут встречаться от случая до случая, их почтовый роман явно затянулся. Отказ Наташи еще раз убедил его, что Наташа полностью его не простила, и не питает к нему настоящих нежных чувств, на которые он рассчитывал.

Короче в своей коммунальной комнате в столице он чувствовал себя очень одиноко, порой задавал себе вопрос, зачем он переехал в эту комнату, лучше бы оставался он в общежитии, где у него была веселая компания, с которой он ходил в парк попить пиво или в ресторан, чтобы культурно отдохнуть, интересно было с Федей и Семеном ходить на футбольные и хоккейные матчи. Теперь иногда они тоже встречались, шли на "Динамо", когда там встречались хозяева со "Спартаком" или ЦСКА, но после расходились по своим норам, не задерживаясь в пивных барах или уютных кафе. Власенко казалось, что в их отношениях присутствует какая-то ли напряженность, то ли отчужденность, но как бы там не было, а былой искренности в их отношениях не было. Несколько раз они намекали, что им интересуются одна особа женского

пола и не против с ним встретится. В принципе, он тоже не против был встретиться со Светланой, с которой его познакомили его друзья, тем более, что супруга его не слишком дарила своей нежностью. Однако, в организации, где он в настоящее время работал, его предупредили, что его поведение должно быть высоко моральным, если он не хочет потерять такую престижную работу. Поэтому Петр после работы шел домой, где скучал в одиночестве. Правда, на работе он обычно задерживался допоздна, и домой приходил только переспать и выпить несколько чашек чая на общей кухне, к тому времени жильцы уже совершили свои вечерние мероприятия и закрывались в своих комнатах лишь изредка выходя по нужде в общий туалет.

Однажды он зашел на кухню попить чая около полуночи и застал там пожилую худощавую женщину совершенно седую с глубоко посаженными темными глазами. Лицо её было все в морщинах, а руки её были настолько худенькие, что казалось это кости, обтянутые бледной кожей.

– Здравствуйте, – поздоровался Петр с женщиной-призраком.

– Добрый вечер, – голос её звучал как-то светло, – я вам не буду мешать?

– Нет, оставайтесь я только попью здесь чай, – сказал Петя и поставил свой чайник на газовую горелку.

Не зная, о чем говорить с пожилой женщиной, он подошел к окну и засмотрелся на ночную жизнь одной из главных улиц столицы – носились по улице легковые автомобили, такси, ходили парочками влюбленные при свете электрических фонарей. Несмотря на сентябрь, погода стояла еще теплая и люди хотели насладиться последними погожими днями перед дождями и метелицами. Закипел чай и Власенко налил себе чай, а из холодильника вытянул масло.

– Может и вам налить чая, – спросил он у женщины, которая показалась ему несчастной, и которой хотелось сделать что-нибудь приятное.

– Спасибо, я уже попила, – ответила она.

– А где ваша чашка, я сейчас вам налью чая? – настаивал на своем Петр.

– Я отнесла её в свою комнату.

– Я вам сейчас принесу свой стакан, – сказал он и побежал в свою комнату, чтобы взять стакан. Затем налил в стакан чая, бросил две ложки сахара, а еще намазал масло на кусочек белого хлеба.

– Вот угощайтесь, а то я обижусь, – подвинул он стакан и хлеб к старушке.

– Большое вам спасибо, – женщина протянула свою сухонькую правую руку за стаканом.

После того, как мы попили чай, женщина обратилась к Петру с необычайной просьбой.

– Извините, меня, молодой человек, но, не могли бы вы мне разрешить посмотреть вашу комнату.

– Мне не жалко показать свою комнату, – удивленно ответил он, – но я не понимаю, чем вызван ваш интерес к моей комнате.

– Понимаете, когда-то, очень давно, там была моя спальня. Мне интересно посмотреть на эту комнату, с ней у меня связано мое счастливое детство.

– Хорошо, пройдемте сейчас в мою комнату, только предупреждаю, что у меня там не убрано, я сейчас сам живу, – немного смущаясь заметил Петя.

– Ничего, я на это не буду обращать внимание.

Власенко пошел впереди на правах хозяина, открыл незапертые двери, включил свет, зашел в комнату и пригласил женщину. Она остановилась у дверей, с каким-то трепетом осматривая комнату, стараясь не упустить никакой подробности, глаза её заблестели и, как показалось, Петру в уголках её глаз блеснули слезы. Юноше стало даже немного неудобно от того, что он занял чужую комнату, поэтому ему стало немного по себе и хотелось как-то исправить положение.

– Садитесь, – подвинул он женщине стул.

– Спасибо, – она села на стул, возможно, ей подали вовремя стул, на который она смогла сесть, иначе от слабости и нахлынувших чувств она могла бы свалиться на пол.

– Вас не затруднит, если я посижу здесь некоторое время, – её темные глаза смотрели умоляюще на парня.

– Конечно, сидите сколько хотите. Я пока не буду ложиться спать.

Она молча сидела на стуле с блаженным выражением лица, что вызывало у Петра необычайный интерес к этой незнакомке, ему хотелось задать вопросы женщине, чтобы выяснить, когда она здесь жила, но он не решался прервать её состояние.

Они сидели так некоторое время, пока женщина не прервала тишину.

– Я вам кажусь странной? – спросила она.

– Я вас понимаю.

– Я не надеялась уже, что когда-нибудь смогу посетить мою комнату, в которой я провела свое детство.

– Так это было давно? – простодушно спросил парень.

– Очень давно. Это было еще до революции.

– А с кем вы здесь жили?

– Я жила тут с папой и мамой, а еще жил здесь мой брат Александр. Его комната была рядом с моей, там сейчас живет семейная пара, но я боюсь к ним подойти, ибо они очень сварливые люди. Весь этот этаж занимала тогда наша семья.

– Так вы были капиталистами? – Петр был очень удивлен и озадачен, ибо не приходилось ему раньше встречаться с бывшими угнетателями рабочего класса.

– Мы были не совсем капиталистами, папа мой работал известным адвокатом, здесь у него был кабинет, где он принимал своих клиентов.

– Это так странно.

– Я чувствую, что вы неправильно меня поняли? – озабоченно сказала женщина.

– Что вы имеете в виду? – Петр не мог понять о чем говорила эта дивная древняя старушка.

– Вы видите во мне врага Советской власти?

– Почему это я должен видеть в вас врага Советской власти? – парень был искренне удивлен.

– Все думают, что, если наша семья жила в такой большой квартире, то они естественно становились врагами новой власти, которая забрала у них эти квартиры.

– Я как-то об этом не думал. Я недавно переехал в эту комнату, – словно извиняясь за вероломство сказал парень.

– Я на вас совсем не в обиде. Квартиру у нас давно отобрали. Причем, должна сказать, что я была рада даже, что тогда нас уплотнили, ибо у тысяч граждан не было своего жилья, или ютились они в хлипких бараках. А это было несправедливо. Папа был против такого уплотнения, пытался жаловаться, но я его убедила смириться с таким положением вещей.

– Странно это?

– Что именно?

– Что у вас с папой были такие разные взгляды на жизнь.

– Да, мы с папой часто ссорились по поводу существующей несправедливости, имевшей место при старом буржуазном строе. Я доказывала ему, что монархия, классовое общество должно уступить новому справедливому обществу, где все люди будут равны, где не будет бедных и богатых, но он утверждал, что такого не может быть и приводил примеры из природы, где царит закон верховенства силы. Теперь после того, что произошло со страной после революции, думаю, что, возможно, он был и прав. Но тогда я была молода, у меня было желание, вместе с такими же как я перестроить мир. Впрочем, я вас задерживаю, вы хотите спать.

– Нет, почему же говорите это интересно.

– Интересно видеть представителя эксплуататорского класса в живую, ведь таких сейчас очень мало осталось, – в словах женщины таилась глубокая грусть.

– Я люблю слушать разные истории.

– Что ж тогда слушайте меня. Я Косинская Анна Михайловна, 1897 года рождения. Революционными идеями я увлеклась самым искренним желанием в пятнадцать лет, когда познакомилась с некоторой нелегальной литературой и узнала в каких тяжелых условиях живет наш народ. Мне неприятно был тот факт, что мы в доме используем наемный наших служанок. Мне хотелось извиняться перед ними, когда они перед нами склоняли свои покорные головы, называли "господами" или целовали нам руки. Мне хотелось броситься им в ноги и извиняться за своих несознательных родителей. Понятно, что пропасть между мной и моими родителями становилась все глубже и шире, а в момент, когда на улицах Москвы вспыхнули бои между рабочими отрядами и царскими войсками, я порвала окончательно с ними. Я убежала из дома по пожарной лестнице без теплого пальто и зимних полусапожек, которые закрыл в шкафу мой папа.

– Революция победила, – продолжала Анна Михайловна, – но враги не собирались сдаваться без боя. Сначала я работала секретарем в отделе народной милиции, которая должна была бороться с преступностью, которая в то время захлестнула страну. Мы работали практически круглосуточно, ибо постоянно приходилось выезжать на места преступлений, на вооруженные стычки между враждующими группировками. После того, как я ушла от родителей, то меня поселили в господский дом, который преобразовали в общежитие.

Затем меня перевели в Нижний Новгород, где я должна было внедриться в организацию "За спасения России", которая разрабатывала план захвата власти в городе и расправу с большевиками. Я очаровала там молодого капитана, к сожалению, забыла его фамилию, от него я узнала, где находится штаб этой организации и доложила это местным чекистам, которые и накрыли всех заговорщиков во время их очередного заседания. После этого я возвратилась в Москву, и там решили использовать меня в ином амплуа, поскольку я имела образование, знала несколько языков. Меня послали на Южный фронт в тыл врага, где я вела разведывательную работу по выяснению расположению подразделений белой армии. Для того, чтобы я могла свободно передвигаться по оккупированной территории у меня была легенда, что я ищу своего жениха поручика Касатонова, который в это время сидел в тюрьме ЧК за участие в июльском мятеже. Я ездила по селам и городам занятых противником, записывала количество войск, вооружения, артиллерии и передавала это местным подпольщикам, которые переправляли эту информацию через линию фронта.

Все шло хорошо, я не вызвала никаких подозрений, мне сочувствовали, пытались помочь в моих поисках. Но в Воронеже у меня случился прокол – я там встретила одного офицера, который участвовал в заговоре в Нижнем Новгороде, но избежал ареста, так как в тот день он заболел ангиной и лежал в больнице с высокой температурой. Затем он поехал на юг, где примкнул к армии Деникина. Он случайно встретил меня на железнодорожном вокзале и тотчас же обратился к военному патрулю, чтобы меня арестовали. Я, конечно, возмущалась, говорила, что он ошибается, но он настаивал на своем, к тому же нашел еще одного офицера, который знал меня по Нижнему Новгороду, меня арестовали и поместили в тюрьму контрразведки. Начались бесконечные допросы, с пытками, избиениями до потери сознания. Я не знаю, как я смогла это выдержать эти невыносимые истязание тела и души. Сейчас я себе задаю вопрос, почему я ничего не сказала о своей работе, о своих товарищах. И даю единственный верный ответ – у меня была безграничная вера в мое правое дело, ради которого и жизнь не жаль было свою отдать. Поверьте, это не пустые слова, это результат моих зрелых размышлений.

– Я верю вам, – сказал Петр, который был искренно увлечен рассказом женщины.

– Может я вас утомила? Вам завтра рано вставать.

– Нет. Рассказывайте еще.

– Не добившись ничего от меня, эти изверги приговорили меня к расстрелу. Я уже готовилась к этому последнему этапу в моей жизни. Мысленно простилась с мамой и папой, извинилась у них за то, что я такая неблагополучная дочь и принесла им столько страданий. Конечно, мне было очень жаль, что придется расстаться с жизнью в таком юном возрасте. Ведь практически я еще не жила. Я не испытала еще настоящей любви, я не узнала радости материнства. Не скажу, что я не страдала от этого. Забившись в уголок, я плакала горькими слезами. Я хотелось выплакаться раньше, чтобы мои изверги не увидели моих, слез в тот последний миг, чтобы не уличили меня в малодушии и раскаянии за то, что служила самой светлой идее в мире и умираю за неё ничуть не сожалея.

Однако, события развернулись несколько неожиданно. Ночью меня разбудили и повели на выход, меня сопровождал неизвестный офицер и караульный. "Если бы меня вели на расстрел, то меня бы сопровождало больше солдат, – подумала я, – а это меня, возможно, переводят в другую тюрьму?" Было темно, ни звезды в небе, офицер шел впереди и подсвечивал фонариком. Подошли к выходу, офицер передал какую-то бумажку караульному, тот прочитал её, взял под козырек и открыл ворота. Вышли за пределы тюрьмы, на улице никого. Офицер пошел впереди, мы за ними, прошли метров двести, затем остановились возле какого-то сооружения.

– Идите, вперед, – скомандовал офицер.

– Вы меня расстреляете? – робко спросила я.

– Идите, вперед, там вас ждут, – ответил офицер и осветил человека в военной форме, который стоял у сооружения.

Очертания мужчины мне показалось знакомым, с замиранием сердца я пошла к нему навстречу, он тоже пошел, я услышала его торопливые шаги. Когда он попал под освещение, которое падало из окна здания, я узнала в нем своего брата Александра.

– Саша, – кинулась я ему на плечи.

– Аня, сестричка, – прошептал он и крепко сжал меня в объятиях.

– Откуда ты здесь взялся? – спросила я его.

– Пошли отсюда быстрее, пока день на настал. Потом все расскажу.

В ту же ночь мы пошли на вокзал и сели в первый попавший поезд, который следовал до Кисловодска.

После длительного путешествия в августовскую жару в переполненном вагоне мы прибыли в Кисловодск. Город удивил меня, здесь не чувствовалось, что идет война, что решается судьба страны по какому пути развития пойдет Россия. По городских улицам бродили отдыхающие: богатые буржуа с семьями, brave военные под ручку с роскошными дамами, работали в парке аттракционы и рестораны. Мы с братом тоже предались прелестям мирной жизни, я немного стала возвращаться к нормальной жизни после пережитого.

– Будем считать, что ты заново родилась, – говорил мне Костя, – забудем о всем, что произошло и будем строить новую жизнь.

Я с ним соглашалась, ибо ему была безмерно благодарна за то, что он сделал для меня. Я его расспрашивала о том, откуда он узнал, что я заключена в тюрьму и как ему удалось освободить меня оттуда, но он молчал. Только отнекивался, мол, это его секрет, который не следует разглашать, ибо могут пострадать хорошие люди. Мы ходили в горы, к горным рекам Ольхе и Березовке, посещали памятные места Кисловодска. Сначала мы нашли дом, в котором жил Пушкин во время первого и второго своего посещения Кавказа в 1820, 1822 годах, затем еще познакомились с домом купца, не помню сейчас фамилию, в котором останавливались когда-то Лев Толстой и Михаил Лермонтов.

Мы жили обычной мирной жизнью, хотя мысль о том, что где-то там сейчас идет борьба не на жизнь, а на смерть между белыми и красными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми не оставляла меня. А случай, который произошел в одном из ресторанов города тихим августовским вечером, взволновал меня до глубины души. После прогулки по городу мы зашли туда, чтобы попить нарзана, а еще Саша заказал себе вино, а мне мороженое. Зал был полон военных и гражданских, которые напропалую веселились, на эстраде пела жуткая брюнетка о роковой страсти. Вдруг на сцену вышел офицер и сделал объявление.

– Господа офицеры, минутку внимания. Из Москвы пришло важное сообщение. Совершенно Покушение на Ленина. В тяжелом положении его доставили в больницу, его часы сочтены, так же, как и той бандитской власти, которой он руководил. Предлагаю тост за нашу скорейшую победу. Ура! Ура! Ура. – все дружно выпили, запели гимн «Боже, царя храни». Мой брат тоже поддержал этот тост и пел вместе со всеми. В этот момент я его ненавидела.

Домой мы возвращались молча, правда, Саша пытался со мной заговорить, но я ему не отвечала. Уже в квартире он меня спросил:

– Что случилось? Почему ты молчишь? – обеспокоенно спросил он меня.

– Ты не понимаешь? Или делаешь вид, что не понимаешь, что произошло? – ответила я ему резко, едва сдерживая слезы.

– Не понимаю, почему ты настроилась против меня.

– В детстве ты был намного чувствительней. Я помню, как ты принес домой бездомного песика зимой. Мама тебя ругала, а ты стоял на своем.

– Не понимаю, как случай с тем песиком соприкасается с настоящим? – он смотрел на меня непонимающими глазами и это меня раздражало еще больше.

– Я не знаю, какой негодяй совершил покушение на Ленина, но то, как встретили в ресторане эту весть просто возмутительно.

– Что тут возмутительного, если будет покончено с этим агентом немцев, который посеял смуту в нашу страну. Который нарушил всю нашу жизнь, лишил нас нормальной жизни, и тысячи, а может даже миллионы нормальных людей сейчас бродят по своей родной стране, как чужестранцы.

– Этот человек создал новое справедливое общество, он отдал землю крестьянам, ибо они являются настоящими хозяевами земли, которую обрабатывают своим потом и кровью. Заводы и фабрики отдал он рабочим и выгнал фабрикантов, в большинстве своем иностранцев.

– Выгнать-то выгнали, а сами-то довели те заводы до полного разорения, они стоят, рабочие не получают зарплаты и не на что им кормить свои семьи. Земля тоже нормально не обрабатывается и в стране нет хлеба. В Москве, Петербурге люди получают хлеб по карточкам и часами должны стоять в очередях, чтобы отовариться.

– В этом виноваты бывшие хозяева фабрик и заводов, которые развязали гражданскую войну против своего народа. Они одурачили таких, как ты несознательных элементов, и желают вашими руками возратить свои предприятия.

– Это ты попала на безответственные лозунги о справедливом обществе, о равенстве, братстве. Какое там может быть братство, если русского мужика не заставлять работать, то он с печи никогда не спустится.

– Ты плохого мнения о простых людях, которые создают все материальные блага в стране, а пользуются этими благами незаслуженно совсем другие.

– Не понимаю, чего тебе не хватало, что тебе не нравилось в то время, когда правил государь? У тебя было все, что ты хотела, ты закончила пансион, училась в институте, но из-за этого переворота не закончила его.

– Много мне чего не нравилось, но прежде всего не нравилось отношения между господами и слугами. Помнишь, как моя мама за малейшую провинность наказывала наших служаков, а они должны были спокойно выносить эти незаслуженные упреки и еще затем целовать

ручку своей госпоже. Это было так унижительно, что мне хотелось бежать в комнату наших служанок, падать к ним на колени, целовать руки им и извиняться за поведение своей матери.

– Я знаю, что наша мама была очень строга со своими служанками, но иначе с ними нельзя было поступать, ибо они были не очень старательными в своей работе, они занимались воровством.

– Потому что им платили копейки за их работу.

– Их никто не заставлял работать у нас. Могли бы найти другую работу.

– Так везде их обманывали, платили ничтожную зарплату, потому что все общество было несправедливое и оно должно было поступиться новому справедливому обществу, а ты со своими товарищами пытаешься остановить эти преобразования.

Мы еще долго спорили о том, что происходит в России, кто в этом виноват, а кто прав, но каждый из нас остался при своем мнении. Потом я сказала, что я больше не могу оставаться в Кисловодске, и должна ехать в Москву.

– Как ты пересечешь линию фронта?

– Это уже не твоя забота, – ответила я ему грубо, давая понять, что наш диалог закончился.

– Будь благоразумна. В следующий раз мне не удастся тебя вырвать из лап контрразведки, ведь я давал честное офицерское слово, что ты не будешь выступать против нас на стороне этой обреченной шайки немецких шпионов и бандитов с большой дороги.

– Я постараюсь больше не попадаться к вашим костоломам. Извини меня, за то, что из-за меня ты потерял честь офицера.

На следующий день я поехала поездом на Минеральные Воды, чтобы оттуда поехать поближе к линии фронта.

Анна Михайловна закончила свою речь и посмотрела на Петра, который внимательно слушал рассказ женщины.

– Однако уже поздно, а вам завтра на работу, так что закончим этот рассказ.

– Ничего страшного, я могу и не спать. На целине приходилось сутками землю пахать и ничего.

– Если вам будет интересно, то я вам завтра доскажу свою историю, – сказала Анна Михайловна и вышла из комнаты Власенко.

Петр долго еще не мог уснуть под впечатлением рассказа, ему казалось, что он читал интересную книгу о бурных временах революции. Анна Михайловна восхищала его и в то же время удивляла. Почему это она пошла против своего класса? Что не устраивало её в той жизни, когда они были всем обеспечены, успешно закончила учебу в гимназии, родители любили и заботились о ней. Её ждала благополучная сытная жизнь, она могла ездить по курортам и санаториях, как внутри страны, так и за границей. И все это она променяла на опасную борьбу за свободу и счастье совсем незнакомых ей людей, подвергала постоянно свою жизнь тяжелым испытаниям, даже могла погибнуть. Какая идея, какая вера двигала этой женщиной – это было для него загадкой и ему очень хотелось её разгадать, понять, примерить к своей жизни. Ведь в его жизни ничего подобного нет.

Вечером, придя домой, он переоделся и постучал в комнату Анны Михайловны.

– Заходите, – прозвучал её спокойный голос.

– Здравствуйте, – сказал Петр и добавил, – я вот вам принес печенье к чаю.

– Это уже лишнее, – в голосе женщины чувствовалась какая-то обида.

– Я из лучших побуждений. Примите, а то я обижусь.

– Хорошо, – сейчас мы вместе попьем чай с вашим печеньем.

После того, как они вместе попили чай и немного поговорили о жизни. Женщина интересовалась откуда приехал Власенко, чем занимался. После того, как Петя рассказал, о том, что его сознательная жизнь началась с поездки на целину. Анна Михайловна одобрила юношу

за то, что он участвовал в целинной эпопее, при этом даже награжден орденом, а потом продолжила свой рассказ о своей судьбе.

Мой путь в Москву растянулся на целый месяц, однако возвращение в ряды единомышленников произошло значительно дольше. В отделе внешней разведки ЧКа встретили меня с удивлением и подозрением. Мне не верили, что я вышла из тюрьмы контрразведки так просто. Мой рассказ о том, как мне был вынесен смертный приговор и, как меня спас родной брат Александр, казался им смешной фантазией, а у меня не было никаких реальных фактов, которые бы доказывали мою стойкость в тюремных застенках. Должна признаться, что мне не нравилось их подозрение, но ничего не могла изменить.

На некоторое время я жила у своих родителей, правда, они сейчас снимали только две комнаты, где раньше занимали весь этаж. Мама была очень рада, что я вернулась, рада была получить известие о том, что её сын жив и здоров, а вот с папой мы почти не общались. Он работал сейчас каким-то счетоводом в строительной компании, причем во внеурочное время занимался уборкой улиц и площадей, как в наказание за свое не пролетарское происхождение.

– В конце концов мне это надоело, и я пошла к самому начальнику внешней разведки Осипу Пятницкому и заявила, чтобы меня перестали проверять и перепроверять, а наконец-то вернули меня в ряды сотрудников этого ведомства. Мы с ним были хорошо знакомы по революционных днях в Москве, когда я входила в его боевую пятерку.

– Я тебе прекрасно знаю, и не на минуту не сомневаюсь в твоей преданности революции, ибо хорошо помню, как ты самоотверженно сражалась с противниками новой власти, несмотря на то, что сама принадлежала к эксплуататорскому классу.

– Так в чем же дело? Почему меня не возвращают в штат? Я не могу сидеть сложа руки в такое тяжелое для страны время.

– Понимаешь, дорогая моя Анушка, есть у нас такие твердолобые типы, которые родителям своим не верят. Но я держу тебя в своей обойме, тем более, что очень скоро твои знания иностранных языков очень пригодятся. Между прочим, какие языки иностранные ты знаешь?

– Немецкий, французский и итальянский, немного общаюсь на польском.

– Это очень замечательно. Иди домой и жди от меня вызова. Свободное время используй для того, чтобы усовершенствовать свои знания иностранных языков. Ты сейчас где живешь? У своих родителей?

– Да, – ответила я. Я была заинтригована предложением Пятницкого.

– Какие у тебя с ними отношения?

– С мамой у меня прекрасные отношения, а вот с папой пока натянутые отношения.

– Я немного знаю твоего папу. Он замечательный профессионал своего дела, в скором времени мы его привлечем для создания новой конституции. Мы вам отдадим еще одну комнату на этом этаже, чтобы у твоего отца был рабочий кабинет.

– Я считаю, что нам достаточно и двух комнат, ведь сколько людей еще ютятся в бараках и подвалах.

– Хорошо. Зайди в нашу кладовую и получишь там продовольственный паек, а сегодняшнего дня ты будешь числиться в секретном отделе, – он протянул мне записку, и я вышел из кабинета очень довольная и воодушевленная. Мама тоже была довольна тем, что я принесла несколько килограммов пшеничной крупы, килограмм сахара и полкило масла. В тот вечер мы устроили хороший праздничный ужин, правда, папа не прикоснулся к моим продуктам. Я понимала его и не упрекала за это, даже была довольна, что он не критиковал нынешнюю власть.

Я была благоустроена, я снова занималась своим любимым делом, хотя пока что это дело было совсем непонятным. Я с помощью своей мамы занималась совершенствованием моих знаний иностранных языков, а, когда мне уже мне немного надоела моя школа, в то время, как

вокруг происходят великие исторические события, то меня в конце февраля пригласил в свой кабинет Пятницкий.

– Проходи, Анна Михайловна, присаживайся, – голос у Иосифа Ароновича был мягкий, можно сказать, даже услужливый, что свидетельствовало о его хорошем настроении.

– Думаю, что наконец-то закончилось мое бездействие, – без предисловий сказала я, мне хотелось побыстрее узнать чем она будет заниматься в ближайшее время.

– Надеюсь, что это время ты не тратила зря?

– Да, я с мамой занималась немецким и французским языком. Есть определенные успехи – у меня появился баварский акцент, а по-французски я говорю, как парижанка.

– А как итальянский у тебя?

– Пока что не занимались.

– Жаль. Надо было начать с итальянского.

– Вы же не подсказали мне. А почему надо мне готовить итальянский? – меня заинтриговал разговор шефа.

– Потом расскажу. В начале марта в Москве соберется учредительное собрание Третьего Интернационала, на котором должно присутствовать представители несколько десятков коммунистических партий Европы, Азии и Америки. На этом собрании будет разработан план по распространению революции на другие страны, чтобы обеспечить победу пролетариата во всем мире. После окончания собрания его участники разъедутся по своим странам, чтобы организовывать там движение в защиту Советского государства – это на первом этапе своей деятельности, а затем переходить к более решительным методам по захвату власти. Мы должны помочь нашим партнерам по борьбе с мировым капитализмом.

Видно было, что Пятницкий давно готовил эту речь, возможно, кто-то из руководителей партии помогал ему в этом деле, ибо говорил он уверенно, четко формулировал задачи предстоящего этапа международной революции и способы его разрешения. Ведь по существу это было вмешательство во внутренние дела иностранных государств, что могло повлечь большие осложнения в международных отношениях, которые на данный момент были очень натянуты.

Анна высказала свои сомнения в правомерности таких действий, но Пятницкий сказал, что все будет делаться в большом секрете, и они поедут туда под другими именами, с новыми паспортами и легендами.

– Так что иди домой, работай с итальянским языком, ибо туда ты поедешь, так как там созрела очень напряженная обстановка, в связи с тем, что фашистская партия Муссолини попала в парламент и создают опасную конкуренцию социалистам и коммунистам Италии. Конечно, никому ты не должна ничего рассказывать, а маме скажешь, что тебя послали на Украину для борьбы с Деникином.

– Вы еще не устали от моих разговоров, – вежливо спросила Петра Анна Михайловна, – ведь уже за полночь, а вам завтра на работу.

– Ничего, я не устал. Очень интересно вас слушать. Я, словно, переносусь в то время. Замечательное время, тогда жили настоящие герои, и вы одна из них.

– Это слишком громко сказано, я просто исполняла свой долг. Так вот в начале апреля я с несколькими товарищами по чужим паспортам ехали Италию. Среди нас было два настоящих итальянца Паоло Винчетто и Марио Чезаре, а еще несколько товарищей с Кавказа, которые были очень похожи на итальянцев. Я была единственная женщина, которая должна была работать секретарем и переводчиком. У каждого из нас были сумки или чемоданы, в которых были сделаны тайные карманы, в них были спрятана валюта, золото, брильянты. Эти средства были предназначены для поддержания коммунистической партии Италии, создание новой партийной газеты "Аванте". Старшим у нас был Георгий Иванов, то ли болгарин, то ли серб.

Путь наш со многими пересадками шел через Украину, Молдавию, Румынию, Сербию. Мы добирались туда со множеством приключений, в Румынии нас задержала полиция до выяснения наших личностей. Мы представились беженцами из России, которые бегут от большевиков на Запад. Но нас приняли за нарушителей границ, ибо у нас не было никаких виз. Несколько дней нас продержали в местной полиции, пока Георгий не договорился с начальником таможни, короче дал ему взятку. Решение дать взятку из средств партии мы приняли единогласно с составлением акта списания средств, правда, при подписании документа Марио отказался ставить свою подпись.

Больше месяца мы добирались до Милана, где на конспиративной квартире нас ждал сам Джорде Сerratи, секретарь соцпартии. Поскольку Григорий плохо знал итальянский язык, то он взял меня на личную встречу с Сerratи, во время которых произошла передача денег и ценностей представителям социалистической партии. Точно я не помню, какие там были ценности, но было много американских долларов и итальянских лир.

Первое время у нас сложились хорошие отношения с местными социалистами, мы с ними вместе готовили выпуски газет, посещали собрания на заводах, на фермах, рассказывали там о революции, а России, о том, как сейчас живут рабочие и крестьяне, освобожденные от ига капиталистов и помещиков. Они с интересом слушали представителей далекой страны, победившего социализма. Народ там был очень темпераментный и заводной, достаточно было провести один такой митинг, и слушатели уже были готовы идти против своих эксплуататоров. Но затем у нас стали возникать различные трения с местными социалистами, которые несколько по-другому видели свой путь становления социалистического государства.

Мы пытались выяснить, почему это происходит, но местные социалисты и анархисты предпочитали не отвечать прямо на этот вопрос, только к нам приехала Анжелика Балабанова она смогла нам разъяснить нам причину наших расхождений. Должна тебе немного рассказать об этой необычайной противоречивой женщине.

Так вот она была выходцем из России, жила в Киеве, но затем из-за расхождений со своими родителями ушла из семьи и уехала за границу, где увлеклась социалистическими идеями, стала одной из организаторов социалистической партии Италии. Одним из способных учеников у неё был Бенито Мусоллини, сначала он был простым журналистом в газете, которым руководила Балабанова, но обычно все статьи за него писала Анжелика, потом она его сделала редактором центральной партийной газеты. Бенито выдвинулся на руководящие должности, благодаря своей решительности, порой его поступки граничили с безумием, но в целом он был последовательным последователем учения своей наставницы. В 1912 году Балабанова познакомилась Мусоллини с Лениным и тот заметил, что этот решительный молодой человек имеет хорошие задатки и перспективы, в отличие от других лидеров соцпартии Италии.

Правда, в четырнадцатом году Бенито резко развернул свои политические убеждения на сто восемьдесят градусов, поддержав свое правительство, которое вступило империалистическую мировую войну. Он отказался от интернационализма, теперь в его планы входило воссоздание Великой Италии, возвращение земель, которые захватила Австрия, Франция, Югославия, а также забрать колонии в Африке. Конечно, после такой измены, конечно, между ними произошла большая размолвка и Анжелика уехала в Россию, где назревали большие политические перемены. Потом была революция, большие надежды построить новое справедливое общество в России, но надежды не оправдались, ей не понравился "красный террор", расправа с левыми социалистами-революционерами. Её тоже едва не посадили в тюрьму, но за неё вступился Ленин и разрешил ей уехать снова в Италию, мол, пускай она едет туда, там она будет нам полезней. Так она снова оказалась на Апеннингах, где развернула большую работу по поддержке революции в России.

– Понимаете, вы находитесь в другой стране, – сказала Балабанова при нашей стране, – здесь другие люди, другой менталитет, другой уровень развития гражданского общества, иные

производительные силы и другой уровень жизни народа, поэтому нельзя механически перенести революцию в России, на эту страну.

Дальше она еще много говорила об особенностях классовой борьбы в Италии, о местных вождях и ихних целях, которые пока не готовы подымать восстание, а пытаются добиться улучшения жизни рабочих и фермеров путем экономических реформ. На том мы и разошлись. что мы можем вести разъяснительную работу в массах, но призывать к прямому бунту, революции не должны.

Мы продолжали свою работу в Италии, но напряженность там возрастала, в связи с тем, что новая партия Мусоллини набирала силу, так как буржуа и правительство опасались распространению "красной чумы" поддерживали "чернорубашечников". Все чаще между коммунистами и фашистами возникали потасовки во время митингов и собраний. Появились первые жертвы этого противостояния. И в этом противостоянии все чаще победу одерживала партия Мусоллини, ибо его лозунги о восстановлении былой мощи Италии, о создании нового государства в границах Римской империи. Людям после поражения в первой мировой войне хотелось реванша и побед. Фашисты любили устраивать массовые парады, праздничные мероприятия с привлечением всех верст населения, чтобы показать, что для достижения своих целей они должны объединиться вокруг новоиспеченного "дуче" спасителя нации.

Работать стало тяжело, а после того, как Мусолини организовал 27 октября 1922 года марш тысяч своих единомышленников на Рим и король, чтобы не допустить гражданской войны, отдал пост премьер-министра "дуче", то началась настоящая травля социалистов и коммунистов. Мы встретились снова с Анжеликой Балабановой, которая сказала, чтобы мы сворачивали свою деятельность в Италии, ибо нас могут заключить в тюрьму нас до сих пор не трогали только потому, что она по старой дружбе и сотрудничестве с дуче уговорила его не трогать нас, но он дал нам срок в две недели покинуть в страну.

По дипломатическому каналу мы сообщили в центр о ситуацию и попросили дальнейших указаний. Оттуда пришел приказ перебазироваться нам в Германию, где намечалось важное мероприятие, которое по замыслу руководителей Коминтерна должно было в корне изменить политическую обстановку в Европе. Как послушные солдаты революции мы отправились в Берлин, где должны были встретиться с вождями немецкой компартии и поступить в их распоряжение.

К сожалению, в связи с задержкой на границе с Австрией, мы не смогли попасть вовремя на это событие, которое намечалось, как грандиозное восстание рабочих и военных против законной власти в Германии. Мы попали туда уже на грязные разборки между вождями коммунистической партии и представителями Коминтерна в лице Бела Куна и Карла Радека, ибо они в последний момент отменили восстание в Берлине и других больших городах Германии 9 ноября 1923 года, но не сообщили об этом Эрнста Тельмана, который действовал по плану и начал вооруженное восстание в Гамбурге. Понятно, что восставшие потерпели поражение. Таким образом, мы, не задерживаясь в Германии перебрались в Польшу. Но об этом я уже вам расскажу в следующий раз, – закончила свой рассказ Анна Михайловна, – вам надо идти ложиться спать, ибо завтра надо идти на работу.

Петр не стал возражать и пошел в свою комнату, но, лежа в постели он еще долго не мог уснуть, думая о героическом пути этой хрупкой женщины.

Мы прибыли в Польшу тоже в разгар классовой борьбы, в бывшей столице Кракове развернулись настоящие боевые действия между полицией и рабочими отрядами, – продолжала свой рассказ Анна Михайловна на следующий день. Только, когда на помощь полиции прибыли войска, тогда они смогли разгромить восставших. Многих участников боевых действий посадили в тюрьму, судили военно-полевым судом к расстрелу. Надежды Коминтерна на то, что в соседних с Россией странах произойдет революция и социалистическое государство не будет находится в окружении врагов, рухнули в один миг. К тому же в стране началась жесто-

ченная борьба за власть, так как Ленин уже был полностью парализован, не мог ничего говорить, а его соратники делили власть. Сталин объединился с Зиновьевым и Камневым против Троцкого, ибо после Ленина он имел самое большое влияние в партии и стране.

Коммунисты Польши поддержали Троцкого и потому руководство Коминтерна отозвала нашу группу из этой страны, в конце декабря мы возвратились в Москву. На этом мои заграничные путешествия закончились, в стране закончилась гражданская война и я получила назначение работать преподавателем иностранных языков в Институте Коминтерна, где обучались представители коммунистических и рабочих партий с разных стран, которые находились в нашей стране на правах беженцев. Их готовили для дальнейшей подпольной работе в своих странах. Кроме, изучения иностранных языков они изучали различные общественные науки, марксистскую философию, а также военное, подрывное дело, а также радио- и телеграфную связь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.